

ШИРОКОЗНАЧНОСТЬ ПРОТИВ ПОЛИСЕМИИ НА УРОВНЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ (на материале глаголов современного английского языка)

*Работа представлена кафедрой английской филологии.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. К. Архипов*

Статья посвящена анализу двух лексических явлений: широкозначности и многозначности. Традиционный взгляд на соотношение широкого значения слова и его лексико-семантических вариантов (ЛСВ) заключается в том, что оно существует на уровне языка, а в речи оно проявляется в виде соответствующих ЛСВ. В статье рассматриваются разные точки зрения на значение глагола *have* и делается попытка осмыслить подход лексикографов к определению лексических значений широкозначных глаголов.

The article is devoted to the analysis of the two lexical phenomena – wide meaning and polysemy. According to the traditional view on the relationship between the wide meaning of a lexeme and its lexico-semantic variants, the former is a part of language while lexico-semantic variants occur in speech. The article deals with the meaning of the verb «have» and lexicographic approach to the verbs with wide meaning in general.

В языке существуют два похожих, но принципиально различных лексических явления: многозначность, или полисемия, и широкозначность. Обычно широкозначность рассматривается как некая неопределенная многозначность, так как словари дают разные количества значений, подчас семантическая структура столь велика, что непонятно, как она функционирует. Можно сказать, что явлению широкозначности не уделялось должного внимания; исследователи, которые затрагивали эту проблему, останавливались на полпути, и к настоящему времени нет ответа на вопрос, как определить пределы значения широкозначного слова. Остается также неясным, в чем разница между двумя лексическими явлениями и есть ли она вообще.

Впервые на различие широкозначности и многозначности обратила внимание Н. Н. Амосова. Она пишет, что в семантической структуре *изолированного* (выделено нами. – Е. М.) многозначного слова сосуществуют различные значения¹.

Необходимо отметить, что вне контекста слово находится либо в памяти человека, либо в словаре, т. е. речь идет о рассмот-

рении слова на уровне языка. Эта проблема представляет сугубо лингвистический интерес, поскольку обычный носитель языка никогда не задумывается, какое из значений многозначного слова актуализируется при его использовании в речи.

Н. Н. Амосова отмечает далее, что при его употреблении в речи все эти значения, кроме одного, исключаются и не действуют. Широкое значение в контексте только конкретизируется, но не изменяется и не исчезает и остается основой любого своего суженного варианта, или подзначения. Она определила широкое значение как «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи»².

В. К. Колобаев видит главное отличие полисемии от широкозначности в том, что «многозначное слово обозначает два или несколько различных понятий; слово с широким значением всегда обозначает одно понятие, которое является настолько широким, что охватывает ряд понятий»³.

Понятия, очевидно, могут быть разного объема содержания – одни для обозначения конкретных предметов и другие, используемые при моделировании картины мира через языковые категории.

Среди глаголов с широким значением можно выделить *have*, *give*, *take*, *make* и некоторые другие. По мнению Н. Н. Амосовой, широкое значение каждого глагола трудно сформулировать, так как определение получается громоздким и расплывчатым. Например, глагол *have* «несет в себе идею того состояния субъекта или того отношения его к объекту, какое возникает в результате присвоения данного объекта субъектом или его осуществления (при пассивности или неподчеркиваемой активности субъекта)»⁴.

Присвоение обычно возникает в результате приобретения за деньги (*I have a car / a house*). Не совсем ясно, что имеется в виду под «осуществлением объекта»; возможно, это объясняется как некий процесс (*I have a lesson / a break*). Но не в каждом контексте глагол *have* реализует именно эти значения. Так, в контекстах: *I have a family*. *The table has four legs* – нельзя проследить ни значения присвоения и обладания за деньги, ни процессуальности.

Р. Якобсон различал в слове одно «общее значение», относящееся к сфере языка, и множество «частных значений» в речи. «Частные» значения многозначного слова – это «комбинаторные варианты общего значения». Они возникают в речи под воздействием словесного окружения. «Общее значение» слова устойчиво и не зависит от соседства с другими словами, но, попадая в речевой контекст, оно претерпевает определенные изменения и предстает в виде одного из своих «комбинаторных вариантов»⁵.

В работе Н. Т. Ждан рассматривается древнеанглийский глагол *habban*. На уровне языка этот глагол передавал идею обладания в очень обобщенной форме и имел, таким образом, весьма абстрактный характер (обобщенное абстрактное значение «отношение обладания», которое может акту-

ализироваться в четырех речевых ЛСВ). Индикаторами актуализации определенного ЛСВ глагола *habban* являются слова-дополнения различных лексико-семантических групп⁶. В некоторых значениях глагол отличается наибольшим «смысловым выветриванием», т. е. «основное смысловое содержание высказывания выражено в семантике именных компонентов, в то время как сам глагол является формальным знаком, указывающим лишь в самых общих чертах на характер отношений, присущих семантике связанных с ним имен лиц»⁷.

Иными словами, широкое значение существует на уровне языка, а в речи оно проявляется в виде соответствующих лексико-семантических вариантов – таков традиционный взгляд на соотношение широкого значения слова и его ЛСВ. Глагол не несет смысла, но контекст несет в себе основное содержание высказывания, изменяя значение глагола. Языковой контекст определяется как причина появления значения.

Согласно другой точке зрения, широкозначность – особый вид многозначности, когда у слова развивается неограниченное количество значений и слово в широком употреблении утрачивает качество самодостаточной номинативной единицы. Этот подход, в сущности, похож на предыдущий, но более детализирован. М. В. Никитин использует параллельно с термином широкозначность термин эврисемия, предложенный В. Я. Плоткиным и Гросулом, и отмечает, что явление эврисемии характерно для слов с ненормативно большим числом значений (в отличие от полисемии, когда число значений не такое чрезмерно большое). Под широкозначностью понимается «более широкое качество связи между десигнатором (формой слова) и десигнатом (содержанием, значением слова), обеспечивающее нестесненную широту семантического варьирования». Значение слова с широким значением настолько обобщено, что грамматизируется, т. е. утрачивает лексическое значение в составе идиомы: широкозначные слова не привносят в контекст

своего значения, а сами «питаются» из него. Семантическая структура слов-эврисимизмов представлена тремя уровнями. Первый составляет исходное прямое номинативное значение, которое служит производящей базой для производно моделированных значений второго уровня. Третий уровень – уровень эврисемии, идиоматизированных значений со слабой ассоциативностью концептов. На этом уровне слово в широкозначном употреблении не привносит свое значение в суммарное значение словосочетания, а само наделяется им из словосочетания: *do exercises / a play / one's best / copies / a room / linguistics* и т. д.⁸

Здесь снова речь идет о языковом контексте, т. е. окружении слова, которое не просто является причиной актуализации одного из значений слова, как это было высказано у Н. Т. Ждан, но придает глаголу значение. Это значит, что говорящий, начиная фразу с глагола широкой семантики, не знает, каким актуальным оно будет в этой фразе, и должен ждать, когда контекст это определит, что звучит странно.

У С. Д. Кацнельсона можно найти иное мнение в отношении контекста. «Работа контекста по уточнению содержания многозначного слова состоит не в том, что он видоизменяет расплывчатое исходное значение, превращая его в «позиционные варианты», а в том, что он реализует заключенные в слове заранее различные значения»⁹.

То есть тот или иной языковой контекст является сигналом актуализации ЛСВ, а не фактором, причиной актуализации того или иного ЛСВ. Контекст только указывает на то, что значение реализовалось. Тем самым С. Д. Кацнельсон снимает с контекста те функции, которых у него нет.

Можно заметить, что там, где четко выступает отношение обладания, значение глагола не «выветривается», а где нельзя однозначно определить чистое обладание (в случае родственных отношений или части целого), значение «выветривается», «затушевывается» и «бледнеет». Возможно, Н. Т. Ждан проще считать, что проис-

ходит «выветривание» значения потому, что непонятна природа значения глагола.

Современные словари приводят намного больше значений глагола *have* (до 30 значений). Если считать, что система языка находится в индивидуальном сознании, то правомерно поставить вопрос о том, как значения слов представлены в долговременной памяти человека: в виде пучков многочисленных значений, подобно словарным дефинициям, или как-то иначе? Еще в 1971 г. А. А. Брудный писал: «В памяти индивида просто не могут быть дискретно зафиксированы все варианты значений всех известных ему слов. Учитывая то, что язык обладает таким свойством, как экономия, логично сделать вывод, что системная информация о единицах языка хранится в памяти индивида не в форме развернутых словарных дефиниций, а в ином, более компактном виде вместе с известными ему механизмами актуализации значений»¹⁰.

Понять какую-либо фразу или текст можно, «пропустив» ее через свой тезаурус, т. е. соотнеся ее со своими знаниями и отыскав соответствующее ее содержанию место в картине мира. «Этот результат может быть достигнут при неполном, приблизительном знании семантики отдельных слов, но адекватном соотношении их смысла с областями и «узлами» (дескрипторами) тезауруса и не может быть достигнут в условиях владения значениями, семантикой, но незнания соответствующих дескрипторных областей»¹¹.

Это подтверждает мысль о том, что знание всех возможных актуализирующихся в речи значений как широкозначных, так и многозначных слов для успешной коммуникации необязательно, поскольку говорящий знает системное значение слова.

Необходимо отметить, что многие исследователи указывают на грамматикализацию глаголов, входящих в состав аналитических форм глагола. Это исторический процесс, при котором лексическое значение трансформируется в грамматическое и сочетаемость слова расширяется. «Десеман-

тизация как постепенная утрата лексического значения относится к основным типам изменения лексического значения слова, ведущим к грамматикализации». Этот процесс привел к образованию аналитических форм, в состав которых входили десемантизированные глаголы широкой семантики, представленные в германских языках глаголами бытия, обладания, становления, волеизъявления, долженствования¹².

Они ссылаются на предшественников: В. Н. Ярцеву, В. Г. Гака, В. М. Жирмунского и германистов – и принимают эту интерпретацию за аксиому. Так, Г. Т. Поленова рассматривает немецкий глагол бытия *sein*, который по-разному трактуется в пассиве состояния, в перфекте (где он полностью утратил свое значение) и в составе именного составного сказуемого (где он, как связка, сохраняет значение «быть, есть»)¹³.

Можно признать разницу между этими конструкциями с точки зрения морфологии и синтаксиса, но Г. Т. Поленова рассматривает значение, не объясняя, почему оно разное. Например, непонятно, почему в предложении *Die Welt ist* (Мир существует) *sein* считается полнозначным глаголом, а в предложении *Die Tur ist geschlossen* (Дверь закрыта) *sein* входит в состав конструкции и становится частью аналитической формы? Почему, когда мы убираем или добавляем причастие (*Die Tur ist. Die Welt ist untersucht*), грамматический и семантический статус глагола *sein* меняется?

Глагол *have* также входит в состав глагольной формы перфекта и считается лишенным лексического значения¹⁴. Но Э. Бенвенист усматривает в этой форме соединение понятий состояния и обладания, отнесенных к действующему лицу. В перфекте действующее лицо предстает как обладатель осуществленного действия, т. е. высказывание типа *I have done it* следует понимать как «я имею это сделанным» (мною самим), в противопоставлении *I have it done* «мне делают это» (я имею это сделанным кем-то)¹⁵.

Среди лингвистов распространено мнение, что в словосочетаниях типа *to be in love*, *to do a film*, *to have a smoke* различные глаголы лишены специфических значений и передают лишь «общее значение действия», а «конкретное значение действия заложено в именном компоненте». И. К. Архипов отмечает несостоятельность данного подхода. Во-первых, в подобных сочетаниях глаголы не взаимозаменяемы. Во-вторых, невозможно объяснить такое длительное сосуществование глаголов-синонимов в истории английского языка¹⁶.

По мнению И. К. Архипова, специфика узкого круга широкозначных глаголов заключается в том, что широкозначные глаголы имеют одно лексическое значение, одно общее содержание, и смысл всего высказывания складывается из суммарных значений его компонентов: значение одной единицы высказывания следует за другим, образуя некие «суммы»¹⁷.

Сделав попытку определения системных значений глаголов *be*, *have*, *do*, И. К. Архипов формулирует системное значение глагола *have* как «иметь что-либо в своей сфере, включать (нечто) в свою сферу». Это значение включает в себя как обладание, присвоение за деньги: *They have a lot of books* (имеют в своей сфере много книг); так и передает межличностные отношения: *I have a brother* (я имею в своей сфере брата); *I have a pupil* (я имею в своей сфере кого-либо в качестве ученика), или отношения между одушевленными и неодушевленными предметами: *I have a terrible headache* (я имею в своей сфере головную боль) и отношения между неодушевленными предметами: *This table has four legs* (этот стол включает в свою сферу четыре ножки), а также отношение к амбиентному субъекту: *We have warm winters* (мы имеем в своей сфере теплые зимы).

Все эти частные значения выводятся исходя из сформулированного системного значения, в зависимости от условий речевого контекста (т. е. описываемой ситуации), и каждое из них является компонен-

том смысла высказывания, а не единой единицей уровня системы языка¹⁸.

В пользу данной гипотезы И. К. Архипов приводит следующие доводы. Широкозначные глаголы используются в самых разнообразных контекстах, и сомнительно, что все носители языка находят логические решения в каждом случае актуализации. Широкое значение оптимально, так как его можно применить в любой ситуации, в любом контексте и выстроить соответствующим образом смысл всего высказывания. Поэтому при наличии речевых ЛСВ возникает вопрос относительно их вычленения. Процесс вывода значения в этом случае происходит в сознании говорящего и слушающего в два этапа: «от виртуального смысла говорящего (язык) к его актуальному значению (речь); в свою очередь актуальное значение, фиксируемое в голове слушающего (речь), идентифицируется затем при сличении с виртуальным (язык). Зачем проводить дважды логическую дифференциацию на уровне речи, если можно пользоваться непосредственно нерасчлененными понятиями?» Широкое значение – это своего рода трамплин, от которого образуются

все остальные значения – компоненты значения высказывания, а не смысл глагола¹⁹.

Аналогичный подход предлагает С. А. Жаботинская. Она строит концептуальные схемы знаний человека, используя пять базовых фреймов. Один из них – посессивный фрейм – «демонстрирует межпространственную связь НЕЧТО-обладатель (possessor) *имеет* НЕЧТО-обладанное (possessed)». Отношение посессивности уточняется в трех субфреймах: 1) собственник (owner) имеет собственность (owned): *Петр имеет дом*; 2) целое *имеет* часть: *книга имеет обложку*; 3) контейнер *имеет* содержимое: *год имеет месяцы*²⁰.

Широкое значение хранится в памяти человека в виде одного системного значения (и этим оно отличается от традиционного понимания полисемии как явления языка), а реализация многочисленных речевых значений (ЛСВ) есть полисемия на уровне речи. Возможно, следует уделить внимание изучению не только лексико-семантических вариантов глагола *have* и других широкозначных глаголов, как это делалось ранее, но и их значению, представленному на уровне языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. С. 114.

² Там же. С. 114.

³ Колобаев В. К. О некоторых смежных явлениях в области лексики // Иностранные языки в школе. 1983. № 1. С. 11.

⁴ Амосова Н. Н. Указ. соч. С. 116.

⁵ Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: Наука, 1965. С. 50–51.

⁶ Ждан Н. Т. Средства выражения категории обладания в древнеанглийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. С. 3.

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Никитин М. В. Полисемия на пределе (широкозначность) // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Е. С. Кубряковой. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 102–103.

⁹ Кацнельсон С. Д. Указ. соч. С. 54.

¹⁰ Брудный А. А. Значение слова и технология противопоставления // Семантическая структура слова: Сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 10.

¹¹ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 173.

¹² Такумбетова Л. М. Процессы десемантизации глаголов движения в современном английском языке // Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя. М.; Калуга: Эйдос, 2006. С. 111–112.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

---

¹³ *Поленова Г. Т.* Диахроническая типология глагола 'sein' в составе немецких аналитических конструкций // Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя. М.; Калуга: Эйдос, 2006. С. 156–159.

¹⁴ *Такумбетова Л. М.* Указ. соч. С. 112.

¹⁵ *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 210.

¹⁶ *Архипов И. К.* О лексических значениях глаголов широкой семантики (когнитивный аспект) // Человеческий фактор в языке: Учебно-методическое пособие (материалы к спецкурсу). СПб., 2001. С. 58.

¹⁷ *Архипов И. К.* Концептуальная интеграция и «границы» лексического значения // Вопросы германской и романской филологии. Вып. 2. Ученые записки. Т. IX. СПб.: Ленинградский гос. областной ун-т им. А. С. Пушкина, 2003. С. 46, 48.

¹⁸ Там же. С. 62, 65, 66.

¹⁹ *Архипов И. К.* О лексических значениях глаголов широкой семантики. С. 65–66.

²⁰ *Zhabotynska S. A.* Possession frame // Pragmatics and Beyond: Abstracts of the Second USSE Conference. Kharkiv: Kharkiv State University, 2001. P. 100–103.